дит, не жалко, так ему и надо *(Доворовался до суда,* ***туда*** *ему* ***и дорога)***.

Контекстуальные средства выражения локативности используются как в письменной, так и в устной речи. Например: ***Аэропорт Внуково***. *Проходим на посадочку* (приглашение водителя маршрутного такси). Именительный представления здесь заменил локатив: (Транспорт идет) *до аэропорта Внуково*. Адекватное понимание фразы возможно лишь при условии присутствия второй части высказывания. В минимальном контексте становится понятной ситуация в каждом из случаев: *красный* ***от мороза*** (на улице), *красный* ***с мороза*** (в помещении).

Таким образом, слово выбирает контекст и контекст-партнеров для передачи адекватного замыслу автора смысла. Учет данного обстоятельства при общении на русском языке помогает безошибочному использованию слов в речи, позволяя актуализировать определенные смыслы адекватно ситуации.

Список литературы

1. Баранова И.И., Городецкая Е.В., Жукова Е.В. [и др.]. Живем и учимся в России. СПб.: Златоуст, 2014.

2. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. 3-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

3. Розенталь Д.Э. Русский язык. М.: Дрофа, 2001.

4. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940.

5. Чистович Е.П. Реализация лексических значений в контексте. Полисемия и контекст // Реализация значения и контекст. Л., 1975.

6. Slama-Cazacu T. Language et context. Le problem du language dans la conception de l'expression et de l'interpretation par des organizations contextuelles. The Hague, Mouton, 1961.

* * *

1. Baranova I.I., Gorodeckaja E.V., Zhukova E.V. [i dr.]. Zhivem i uchimsja v Rossii. SPb.: Zlatoust, 2014.

2. Kolshanskij G.V. Kontekstnaja semantika. 3-e izd. M.: Izd-vo LKI, 2007.

3. Rozental' D.Je. Russkij jazyk. M.: Drofa, 2001.

4. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: v 4 t. / pod red. D.N. Ushakova. M.: Sov. jencikl.: OGIZ, 1935–1940.

5. Chistovich E.P. Realizacija leksicheskih znachenij v kontekste. Polisemija i kontekst // Realizacija znachenija i kontekst. L., 1975.

Verbal implementation of reflective categories in the modern Russian language (based on the category of locativity)

The article considers the implementation of the reflective categories in the Russian language. Based on the example of the category of locativity, it presents the potential to convey various meanings both at the lexical and syntactical levels. Special attention is paid to the context and verbal situation as the factors determining the modus.

Key words: *context, verbal situation, locativity, modus.*

(Статья поступила в редакцию 07.05.2018)

И.В. ЯКУШЕВИЧ
(Москва)

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ СИМВОЛА «ДОМ» В ДИАЛЕКТНЫХ НАЗВАНИЯХ ЧАСТЕЙ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА И ДЕТАЛЕЙ РУССКОЙ ИЗБЫ

Анализируется языковая реализация символа «дом» в значении 'дом как тело человека' – диалектизмы, совмещающие значения 'деталь избы' и 'часть тела человека'. Символ представлен как 1) семантико-семиотическая продуктивная модель, порождающая языковые варианты, 2) вторичный рефлекс, возникший на опыте, оставленном первичными, безусловными рефлексами человека (В.М. Бехтерев), которые диктуют семантику слов и их выбор.

Ключевые слова: *дом, символ, означающее, означаемое, рефлекс, семантическая когерентность.*

Несмотря на забвение древнеславянской мифологии и современное представление о доме как о небоскребах мегаполиса с комфортабельными квартирами, символ «дом» присутствует в языке и цементирует его образность. Так, в разговорной речи символ породил устойчивое выражение *крыша съехала*

© Якушевич И.В., 2018

(ехала / уехала / поехала / отъехала / ее сорвало / сносит / рвет / она протекла / ее попросту *нет)* [15], т. е. ‘кто-то сошел с ума или ведет себя неадекватно’. Не задумываясь о пресуппозиции, в которой внутренний мир предстает как закрытое помещение, мы часто говорим, что нам надо *проветриться* или какие-то наши мысли должны *выветриться*, а проблемы – *осветиться.* Внутренняя форма слов *в преддверии* (‘накануне’), *крышеваться* (‘обеспечить защиту бизнеса’), *многоступенчатый* (‘многоэтапный’), *уйти в подполье* (‘жить или действовать нелегально’) связана с семантикой дома [12].

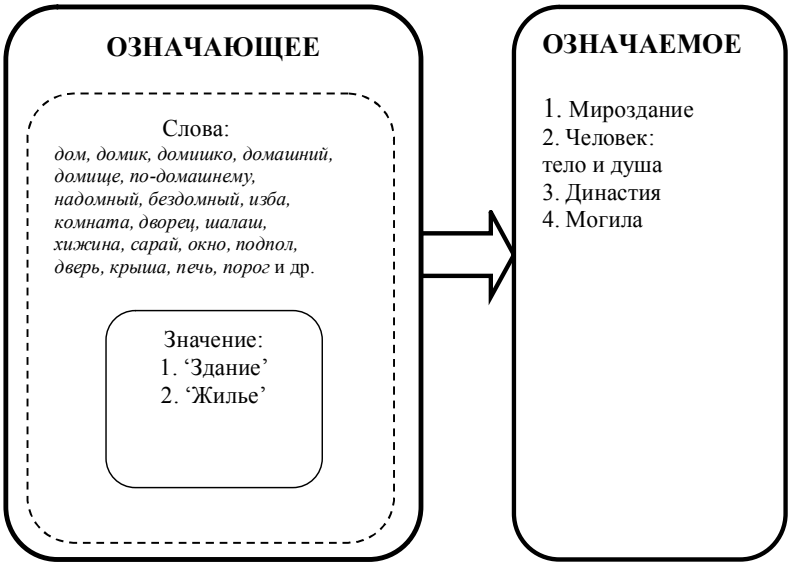
Представление о своей физической и психической природе как о помещении, безусловно, неслучайно. В древнеславянском мифологическом мировоззрении дом сакрален и в миниатюре воплощает космо- и антропоцентричные представления человека о мире. Космоцентризм закреплен в символическом значении ‘дом как мироздание’, а антропоцентризм – ‘дом как тело человека’. Мы остановимся на втором значении. В толковом словаре оно зафиксировано только в собирательном варианте: «семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством» [12].

Как семантико-семиотическая модель, символизация – это процесс означения эмпирическим обобщенным образом (‘дом’) или его деталями (‘окно’, ‘лестница’, ‘крыша’ и др.) некоей абстрактной реальности, непознанной древним человеком – его психофизического мира. Символ «не классическая бинарная структура знака, а минимум трехчленная оппозиция» [1, с. 33]: 1) слово – 2) эмпирический образ, оформленный как понятие, – 3) символическое значение. Обобщенный эмпирический образ – ‘здание для жилья или для размещения различных учреждений и предприятий’ либо ‘жилое помещение’ (коротко обозначим как ‘здание, жилище’) [12]. Образ, материализованный в слове графически и фонетически, является означающим символа, а символическое значение – означаемым.

Означающим символа может быть как само слово *дом*, так и другие номинации, в чью семантическую структуру входят значения ‘здание, жилище’. Это однокоренные слова (*домик, домишко, домашний, домище, по-домашнему, надомный, бездомный* и др.), родо-видовые номинации (*изба, комната, дворец, шалаш, хижина, сарай* и др.), метонимические номинации, в том числе и детали (*окно, подпол, дверь, крыша, печь, порог* и др.).

Означаемое символа – несколько абстрактных (редко конкретных) значений мифологического содержания, закрепленных за одним означающим. У символа «дом» их четыре: 1) мироздание, 2) человек: его тело и душа, 3) династия (например, в словосочетании *дом Романовых*), 4) могила (например, в слове *домовина*). В фокусе нашего внимания второе значение. Семантико-семиотическая модель символа «дом» схематически представлена на рисунке ниже.

Семантико-семиотическая модель символа «дом»



Связь между компонентами символа мотивирована. Это подобие, или изоморфизм, между чувственным образом и неведомой, но познаваемой метафизической сущностью. Чувственный образ становится «методом ее распознания», орудием его структурирования и упорядоченности [10, с. 201–202]. Изоморфизм – это подобие двух компонентов модели, представленных как система элементов, при которой совпадают 1) состав и количество элементов каждой из отождествляемой систем; 2) структура отождествляемых систем и все отношения между элементами системы; 3) все логические предикаты одного компонента должны соответствовать предикатам другого компонента [4, с. 32].

Семантическую оппозицию ‘дом как тело человека и душа’ следует считать актуальной семиотической моделью, поскольку она инвариантна в культуре народа и выражена в разного рода текстах. Так, в русской загадке: *Стоит Вахромей – Брови нахмурил* (дом, крытый соломой) [6]. В Библии: *Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах* (Кор. 5:1). У А.С. Пушкина значение ‘дом как человек’ отражено в описании убитого Ленского:

Теперь, как **в доме** опустелом,
Все в нем и тихо, и темно;
Замолкло навсегда оно.
Закрыты ставни, окна мелом
Забелены. Хозяйки нет.
А где – Бог весть.
Пропал и след.

В стихотворении А.А. Блока «Золотистою долиной» *опустелое жилье* со *слепыми окнами* символизирует умершего деда поэта – А.Н. Бекетова:

Сквозь прозрачные волокна
Солнце, света не тая,
Праздно бьет в **слепые окна**
Опустелого жилья.

О доме как образной константе и символе в прозе И.А. Тургенева и Е.И. Замятина писала Н.В. Халикова [17; 18].

Остается загадкой, почему этот древнейший пространственный антропоморфный символ так значим для человека, что остается устойчивым на протяжении тысячелетий?

Рассмотрим символ «дом» с позиции антропологии Ж. Дюрана и рефлексологии В.М. Бехтерева. Ж. Дюран считал, что анализ символа нельзя ограничивать только областью семиотики, поскольку он нечто большее, чем «искусственный смысл» и обладает «первичной и спонтанной резонансной силой», под которой ученый подразумевал рефлексы человека. Символ порожден двумя «доминантными рефлексами» – координацией и питательным рефлексом [7]. Первый представляет собой врожденное чувство устойчивого вертикального положения тела или его частей (головы, туловища, ног) в пространстве относительно друг друга или иных предметов. Это ощущение лежит в основе подобия нижних частей тела человека нижним деталям дома, а верхних – верхним: голова – крыша, глаза – окна, ступни – ступени и др. Второй рефлекс – ощущение себя как пусто́ты, заполняемой содержимым во время проглатывания пищи. Он проявляется даже раньше, чем первый рефлекс, в тот момент, когда ребенок начинает сосать материнское молоко. Вторая доминанта реализуется в символе «дом» как семантика оппозиций «внутри – снаружи», «свое – чужое» и связана с состоянием «отверстий» дома (окон, двери, печного зева и трубы, подпола), выполняющих функцию выхода из пространства «внутреннее, свое, безопасное» в пространство окружающего мира «внешнее, чужое, опасное». Отверстия сохраняют целостность дома и защищают его от проникновения сил извне, поэтому важно, закрыты они или открыты, целы или разрушены, загрязнены или нет и пр.

В своей типологии символов Ж. Дюран опирался на рефлексологию В.М. Бехтерева, который понимал рефлекс очень широко – как «различного рода реакции организма» на «биологическую потребность, проявляющуюся в форме влечения, обеспечивающего жизненное существование самого индивида» [3, с. 137, 140]. Любой мозговой процесс – от врожденных инстинктов (например, инстинкта самосохранения, питания, размножения) до высшей нервной деятельности, в том числе и речевой, – имеют рефлекторную природу [Там же, с. 199]. Именно поэтому все рефлексы В.М. Бехтерев делит на органические (безусловные) и сочетательные (условные). К первым относятся рефлексы питания, положения в пространстве, движения, потребности в свете и тепле, а при усталости – в отдыхе и пр. Вторые возникают на почве органического рефлекса как его заместители тогда, когда реакция человека не находится в непосредственной зависимости от внешнего раздражителя, а вызывается опытом, оставившим след в виде впечатления от безусловного рефлекса. Так, у человека, однажды испуганного напавшей и укусившей его собакой,

при одном звуке собачьего лая появляется, как при нападении, учащенное сердцебиение: лай другой собаки заместил агрессию предыдущей. Аналогично человек, ограничивший вертикаль своего тела относительно низа земли и верха неба, перенесет это ощущение и на другие вертикально организованные предметы: дом, дерево, гору, сосуд и пр. и будет их отождествлять с собой.

Речевой символ, по В.М. Бехтереву, – форма заместительной рефлекторной деятельности [3, с. 416]. Выраженный в слове, символ является одним из звеньев в цепи безусловных и сочетательных рефлексов: «Каждое слово, будучи знаком, как побочный раздражитель, связывается либо с внешним, либо с внутренним раздражением, либо с тем или иным состоянием, положением, движением собственного тела по схеме сочетательных рефлексов, в силу чего играет роль внешнего раздражителя, замещающего… внешнее воздействие или определенное внутреннее состояние» [Там же, с. 201]. Помимо рефлекса координации и пищеварения, дом связан еще с защитным рефлексом и рефлексом размножения. Защитный рефлекс проявляется в стремлении человека в ответ на агрессию внешнего мира спрятаться внутри некоей оболочки: это пещера, дом, одежда. Что касается инстинкта размножения, то дом был убежищем не только хозяина, но и всей его семьи, это место, где человек рождался и умирал; дом передавался по наследству и охранялся, по верованиям славян, душами предков.

Русские поверья, связанные с домом, иллюстрируют это. Например, как глаза человека в ночной тьме видят угрозу для жизни, так и открытые на ночь окна могут быть опасны приходом гостей с того света: покойников, упырей, лешего [2, с. 143]. Поэтому ставни на ночь запирали, окна занавешивали. Еще один пример: верх женского головного убора был замещен верхом крыши. На свадьбе был как ритуал покрывания невесты платком, так и открывания в доме жениха, что символизировало брак и потерю невинности. А если невеста не сохраняла целомудрие до свадьбы, крышу ее дома обрывали [Там же, с. 178].

Таким образом, символ «дом» обусловлен «сплетением в деревья» [7] сразу нескольких безусловных рефлексов, в совокупности вызывающих факт изоморфизма значений ‘дом’ и ‘тело человека’. Именно поэтому вертикальная организация дома подобна строению человека, внешнему и внутреннему, а расположение деталей интерьера и экстерьера подчинено этой системе. И тот факт, что символ, по В.М. Бехтереву, порожден самой природой человека, являясь одним из его заместительных рефлексов, укрепляет уверенность в том, что символ «дом» будет актуален до тех пор, пока существует человек и его врожденные рефлексы.

Мы рассмотрим языковую реализацию модели «части тела человека как детали избы» в диалектных номинациях. В качестве материала исследования использованы данные четырех словарей [5; 11; 14; 19]. Семантическая связь между компонентами модели символа «дом» закреплена либо 1) полисемией, либо 2) словообразовательной деривацией, либо 3) семантической когерентностью.

1. Полисемия лексемы со значением ‘часть тела человека’ возможна, во-первых, если слово общеизвестно и относится к лексикону древнерусского и современного русского литературного языка, но в диалектах получает новый лексико-семантический вариант (далее ЛСВ). Полисемия развивается также в том случае, если номинации тела человека и деталей избы семантически связаны в пределах одного диалекта; прослеживается отчетливая преемственность и иерархичность метафорического или метонимического переноса (например, в Арх. *глаза* как ‘орган зрения’ и как ‘окна’).

2. Однокоренные слова со значением ‘часть тела’ и ‘часть дома’ могут являться словообразовательной парой: например, *лоб* как ‘череп’ в древнерусском языке и *лобовик* как ‘фасад здания’.

3. Модель также охватывает лексемы, связанные семантической когерентностью. Речь идет о семантическом сближении однокоренных лексем, формально тождественных, но связанных семантикой исторически общего корня. Между собой эти слова связаны опосредованно, т. к. являются результатом параллельного образования по одной словообразовательной модели, но в разных диалектах. Анализ таких лексем затруднителен, поскольку, с одной стороны, у них есть общая сема и можно говорить о полисемии, а с другой – они возникли в результате параллельной деривации и могут быть квалифицированы как омонимы. Заимствованный из физики термин *когерентность* происходит от латинского cohaerens (‘находящийся в связи’) и обозначает согласованное и параллельное протекание во времени и пространстве нескольких колебательных или волновых процессов, исходящих из одной точки [16, с. 291]. По отношению к диалектиз-

мам термин был применен И.Е. Колесовой в статье «Некоторые аспекты лексической когерентности» [8]. Семантическая когерентность отлична как от полисемии, так и от омонимии. Тем не менее общность корня и сем, заключенных в нем, позволяет нам говорить о семантическом сближении антропоморфных лексем и сделать вывод о факте языковой реализации модели ‘дом как тело человека’. Так, этимологическое значение лексемы *веко* – ‘крышка, прикрывати’ от о.-с. корень *veko [19, т. 1, с. 139] легло в основу семантической когерентности других значений лексемы: 1) ‘ресница’ (Арх.), 2) ‘крышка от лукошка’ (Арх., Волог.), 3) ‘само лукошко’ (Яросл., Пск.), 4) ‘скамейка или корзина для торговли’ (Волог.), 5) ‘деревянный обод решета’ (Вят.), 6) ‘полка над лавками вокруг избы’ (Твер.) [11, т. 4, с. 101]. Семантику символа реализуют только первое и последнее значения.

Номинации частей тела человека разделены по вертикали на три подгруппы с учетом рефлекса координации человека: «верх» с названиями деталей головы и лица; «середина» – названия груди и плечевого пояса; «низ» – все, что ниже пояса, и ноги. Все слова являются языковыми вариантами означающего символа «дом», а их значения – означаемым с семантическим пределом ‘тело человека’.

Подгруппа «верх» – самая многочисленная, поскольку верхней и фасадной части дома, жилой, близкой к небу и солнцу, придавалось особое значение. Современное значение слова *череп* – «костяной покров головы позвоночных животных и человека» – в древнерусском языке выражалось словами *лъбъ и чело*, а слово *черепъ* имело другое значение – ‘черепок, глиняный осколок’, актуализирующее значение ‘прочный’ и ‘сосуд’ [19, т. 2, с. 382; см. также 9]. Значение слова *череп* как ‘крыша’, ‘потолок или поддерживающий его брус’ в Арх. – один из диалектных ЛСВ слова [5, т. 4, с. 592]. Так же возникает ЛСВ ‘фасад (фронтон) избы’ и от древнерусского *лоб* как ‘череп, голова’: *задний лоб* (задний фронтон) и *передний лоб* (передний фронтон). Словообразовательные дериваты со значением ‘фронтон’: *лобовая доска* (обозначало и фронтон, и резную доску в его основании), *лобовик* (одна из досок в обшивке фронтона), *лобяк, налобник* и *нало́бок, олобок* [14, с. 33–34].

У древнерусских слов *глаз* (‘орган зрения’) и *зенок* (и ‘орган зрения’ и ‘радужная оболочка’) [13, т. 5, с. 382] возникли ЛСВ, основанные на метафоризации. В Архангельской губернии *глаза* – это окна на лицевой стороне избы [11, т. 6, с. 184]. *Зенок (зенко, зеночко)* в Волог., Арх., и Орл. означало ‘стекло в окне’ [Там же, т. 11, с. 265].

О.-с. корень *bry со значением ‘бровь’ в древнерусском языке лег в основу слов *бровь* и *бревно.* Оба слова имели значение ‘глаз’, ‘веко’ [19, т. 2, с. 109]. В результате полисемии слова *бровь* в Арх. появился ЛСВ со значением ‘резные доски наличника’ [14, с. 88]. Словообразовательный дериват *бровка* со значением ‘карниз над дверью или окном’ бытовал в Перм., Олон., Пск., Новг. Внешние новгородские бровки-наличники были дугообразные, а псковские поднимались над окном уголочком. На внутреннюю *бровку* – резную дощечку-полочку в пермской избе – клали мелкие домашние вещи: ключи, гребешки и пр. [11, т. 3, с. 183].

В Псковской губернии слово женского рода *порога* обозначало брус на полу, порог, а слово мужского рода *порог* – нижнюю губу. Ребенку, показывающему язык, говорили: «У тебя язык сплошь на пороге» [Там же, т. 30, с. 66]. Как видно, метафоризация в этом случае имела противоположное направление от значения ‘часть дома’ к значению ‘часть тела’.

В древнерусском языке слово *зубъ* имело прямое значение ‘костный орган во рту человека’ и переносное – ‘похожая на зуб острая деталь чего-либо’, например гребня, пилы, бороны [13, т. 6, с. 67]. Как результат полисемии, в диалектах возникли еще три значения: 1) ‘прямоугольный выступ в верхнем бревне, входящий в соответствующий паз нижнего бревна венца сруба’ (Яросл., Рост.), 2) ‘выступ на конце стропила’ (Ленингр.), 3) ‘особая заостренная форма лемеха, которым покрывают крышу’ [14, с. 119].

Слово *ухо* в древнерусском языке также имело прямое (орган слуха) значение и переносное: похожая на уши деталь чего-либо или отверстие в предмете, куда можно что-то продеть [5, т. 4, с. 525]. Второе значение и определило появление ЛСВ ‘отверстие для журавля в колодезном столбе’ и ‘скоба, куда продевают запор ворот’ [14, с. 166, 181]. Словообразовательные дериваты: *ушко* – сквозная выемка в конце стропила (Арх.), *ушки* – боковые подвески оконных наличников [Там же, с. 207, 91].

В подгруппе «середина» интерес представляет слово *грудка:* это и женская грудь, и печь для отопления помещения (Ряз.), а также лежанка около печи (Ленингр., Олон.) [11, т. 7, с. 161; 14, с. 66]. Подобие между денотатами возможно по функции: печка в избе,

как и женская грудь, считалась кормилицей. Но безусловно утверждать этот факт нельзя, поскольку корень *-груд-* происходит как от о.-с. *grǫd со значением ‘глыба, кучка, возвышенность’, так и *gruda со значением ‘тереть, растирать’ [19, т. 1, с. 222]. Со временем корни смешались, поэтому грудкой называли и одиночное возвышение, и то, что могло сгрудиться в горку, кучку, например комья мерзлой земли, сливки в молоке, горку сахара [11, т. 7, с. 161]. Общая сема ‘возвышаться’ связывает все эти значения семантической когерентностью.

В о.-с. глаголе *lomiti синтезированы значения и процесса (ломать), и орудия (то, чем ломают), и объекта (то, что наломали). Так, слово *лом* как ‘бурелом’ зафиксировано в древнерусском языке И.И. Срезневским [19, т. 1, с. 490]. Семантическая когерентность, базирующаяся на синкретизме значений в этимоне корня *-лом-*, объединяет три значения слова *ломоток* как 1) кусочек хлеба, 2) бревно в крестьянском доме, неотесанное снаружи и тесаное внутри (Курск.) [11, т. 17, с. 124] и 3) молочная железа. Последнее значение ясно из сибирской загадки: «У мыкала – четыре, у ржавца – две, у рюхала – двенадцать ломтей» (*мыкало* – корова, *ржавец* – кобыла, *рюхало* – свинья). Значения ‘ломоть как хлеб’ и ‘ломоть как молочная железа’ связаны метафорой по форме и функции кормления.

В древнерусском языке слово *горб* имело три значения: 1) всякое возвышение, холм, 2) спина человека, 3) горб человека [13, т. 4, с. 80]. Метафоризация сохранилась и в тверском слове *горб*, которое обозначало и ‘затылок’, и ‘стесываемую полукруглую часть бревна’ (Твер.). В диалектах других областей полукруглые доски назывались *горбушина* (Вят.), *горбина* (Перм., Урал., Волог.), *горбачок* (Урал.), *горбак* (Яросл.), *гобушка* (Урал.), *горбыльник (Урал.)* [11, т. 7, с. 20–22]. Забор из этих досок – *горбуль* и *горбинник* (Урал.), *горбовинник* (Перм.) [14, с 175].

В древнерусском языке было слово *локоть* в значении ‘изгиб, излучина’ и ‘предплечье’ [13, т. 8, с. 277]. Диалектный ЛСВ обозначал ‘изгиб, или колено, печной трубы’ (Новосиб.) [11, т. 17, с. 111–114].

Слово *палец* в древнерусском языке обозначало большой палец (от о.-с. *palьsь), в то время, как остальные пальцы рук и ног назывались *перстами* [19, т. 1, с. 617; т. 2, с. 24]. В результате метафоризации возникло переносное значение слова *палец* как ‘брус в оконной раме’ (Урал.) и как ‘клинья между половицами для сплочения пола’ (Волог.) [11, т. 25, с. 169].

Подгруппа «низ» немногочисленна, поскольку эти лексемы называли, как правило, нежилые помещения на первом этаже избы, в подклети. На втором этаже находилось только *гу́зно*. В Архангельской области *гу́зно* – ‘задний проход у человека’ и, как переносное значение, в избе площадка на столбах, которой заканчивается въезд к повети. Поветь – нежилая пристройка к деревенскому дому (в основном на Русском Севере), высоко над хлевом, где хранили корма для скота, земледельческие орудия, телеги и пр. Поветь находилась сзади дома, достаточно высоко над землей, и к ней вели двухстворчатые ворота и настил-въезд. А чтобы телега или сани могли развернуться, строили гузно [Там же, т. 7, с. 208–209]. В Олонецкой губернии слово *задворок* с прозрачной внутренней формой обозначало и место за двором, и в шутливой метафоре – заднюю часть тела, таз, седалище [Там же, т. 10, с. 47].

Семантикой низа корня *-ступ- (-стоп-)* объединяется древнерусское слово *стопа* в значении ‘нижняя часть ноги’ и несколько однокоренных диалектизмов: *стопник* и *ступешок* (ступеньки крыльца в Арх., Ленинг.), *проступь* (плоскость ступени в Олон.).

Сема ‘низ’ объединила слово *пятка* в значении ‘часть ступни’ (почти во всех областях) [Там же, т. 33, с. 227] и слово *пята* как нижний угол дверного полотна с той стороны, где она навешана (Арх., Волог.), или шип, вставляемый в отверстие, находящееся в основании двери (Вят., Яросл.). В Вологодской области говорили: «Дверь на пяте не стоит», т. е. часто раскрывается, поскольку не закреплена на пяте-шипе [5, т. 3, с. 552].

Таким образом, семантико-семиотическая модель символа «дом» реализуется в группе слов, имеющих как значение ‘часть тела человека’, так и ‘деталь русской избы’. В одних словах значения совмещаются вследствие полисемии слова литературного языка (например, *зуб, череп, лоб*), либо когда оба значения возникли в одной области распространения диалекта (например, *задворок, гузно, ломоток*). В других значения сближает общий корень (словообразовательные дериваты): *горб – горбылек, ухо – ушки*. Если же значения возникли в разных областях и связаны только семантикой общего корня при параллельной деривации, то такое совмещение значений квалифицируется как семантическая когерентность, также позволяющая утверждать влияние модели символа «дом» (например, *веко,*

локоть, горб). Найденные номинации деталей русской избы иллюстрируют частотный и устойчивый изоморфизм значений ‘тело человека’ и ‘детали избы’ и в конечном счете антропоморфизм символа «дом». Этот факт обусловлен заместительно-рефлекторной природой символа, в фокусе которого пересекается несколько врожденных рефлексов человека – координация, потребность в питании, репродуктивный и оборонительный рефлексы.

Список сокращений

Арх. – Архангельская губерния (область)
Ворон. – Воронежская губерния (область)
Вят. – Вятская губерния
Забайк. – Забайкальская область Российской империи
Кург. – Курганская область
Ленингр. – Ленинградская область
Новосиб. – Новосибирская область
Олон. – Олонецкая губерния
Орл. – Орловская губерния (область)
Перм. – Пермская губерния (область)
Рост. – Ростовская губерния (область)
Урал. – Уральская губерния
Твер. – Тверская губерния (область)
Яросл. – Ярославская губерния (область)

Список литературы

1. Алексеев А.В. Семиотические категории языка и культуры при диахроническом анализе лексики. М., 2013.

2. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983.

3. Бехтерев В.М. Общие основы рефлексологии человека: руководство к объективному изучению личности / под ред. и со вступ. ст. А.В. Гервера. 4-е посмерт. изд. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928.

4. Гастев Ю.А. Гомоморфизмы и модели. Логико-алгебраические аспекты моделирования. М., 1975.

5. Даль В.И.Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1994.

6. Детство. Отрочество // Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. М., 1991.

7. Дюран Ж. Антропологические структуры URL: https://castalia.ru/perewody/eranos-perevody/2703-zhilber-dyuran-antropologicheskie-strukturyi-voobrazhaemogo-vvedenie-bespoleznyie-obrazyi.html (дата обращения: 27.03.2018).

8. Колесова И.Е. Некоторые аспекты лексической когерентности // Русский язык и литература: проблемы изучения и преподавания: сб. науч. тр. под общ. ред. Л.А. Кудрявцевой. Вып. 8. Вологда, 2014. С. 42–45.

9. Криничная Н.А. Крыша и чердак: быт и образы // Рус. речь. 2015. № 4. С. 69–75.

10. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. 2-е изд. испр. М, 1976.

11. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина. М.–Л., 1965–2016.

12. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд. М., 1999. URL: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp (дата обращения: 27.03.2018).

13. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–. Вып. 1–30.

14. Сыщиков А.Д. Лексика крестьянского деревянного строительства. Материалы к словарю. СПб., 2006.

15. Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Скляревской. СПб., 2000.

16. Физический энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1995.

17. Халикова Н.В. Образная структура дома в творчестве Е.И. Замятина // Духовно-нравственный и эстетический потенциал русской литературной классики: сб. науч. тр. М., 2013. С. 236–241.

18. Халикова Н.В. Экспрессивность образа дома, комнаты в прозе И.С. Тургенева // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: слово – конструкция – текст: межвуз. сб. науч. тр. М., 2012. С. 93–98.

19. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М., 1993.

* * *

1. Alekseev A.V. Semioticheskie kategorii jazyka i kul'tury pri diahronicheskom analize leksiki. M., 2013.

2. Bajburin A.K. Zhilishhe v obrjadah i predstavlenijah vostochnyh slavjan. L.: Nauka, 1983.

3. Behterev V.M. Obshhie osnovy refleksologii cheloveka: rukovodstvo k ob#ektivnomu izucheniju lichnosti / pod red. i so vstup. st. A.V. Gervera. 4-e posmert. izd. M.; L.: Gos. izd-vo, 1928.

4. Gastev Ju.A. Gomomorfizmy i modeli. Logiko-algebraicheskie aspekty modelirovanija. M., 1975.

5. Dal' V.I.Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: v 4 t. M., 1994.

6. Detstvo. Otrochestvo // Mudrost' narodnaja. Zhizn' cheloveka v russkom fol'klore. M., 1991.

7. Djuran Zh. Antropologicheskie struktury. URL: https://castalia.ru/perewody/eranos-perevody/2703-zhilber-dyuran-antropologicheskie-strukturyi-voobrazhaemogo-vvedenie-bespoleznyie-obrazyi.html (data obrashhenija: 27.03.2018).

8. Kolesova I.E. Nekotorye aspekty leksicheskoj kogerentnosti // Russkij jazyk i literatura: problemy izuchenija i prepodavanija: sb. nauch. tr. pod obshh. red. L.A. Kudrjavcevoj. Vyp. 8. Vologda, 2014. S. 42–45.

9. Krinichnaja N.A. Krysha i cherdak: byt i obrazy // Rus. rech'. 2015. № 4. S. 69–75.

10. Losev A.F. Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo. 2-e izd. ispr. M, 1976.

11. Slovar' russkih narodnyh govorov / pod red. F.P. Filina. M.–L., 1965–2016.

12. Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. / pod red. A.P. Evgen'evoj. 4-e izd. M., 1999. URL: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp (data obrashhenija: 27.03.2018).

13. Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. M., 1975–. Vyp. 1–30.

14. Syshhikov A.D. Leksika krest'janskogo derevjannogo stroitel'stva. Materialy k slovarju. SPb., 2006.

15. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka konca XX v. Jazykovye izmenenija / pod red. G.N. Skljarevskoj. SPb., 2000.

16. Fizicheskij jenciklopedicheskij slovar' / gl. red. A.M. Prohorov. M., 1995.

17. Halikova N.V. Obraznaja struktura doma v tvorchestve E.I. Zamjatina // Duhovno-nravstvennyj i jesteticheskij potencial russkoj literaturnoj klassiki: sb. nauch. tr. M., 2013. S. 236–241.

18. Halikova N.V. Jekspressivnost' obraza doma, komnaty v proze I.S. Turgeneva // Racional'noe i jemocional'noe v jazyke i rechi: slovo – konstrukcija – tekst: mezhvuz. sb. nauch. tr. M., 2012. S. 93–98.

19. Chernyh P.Ja. Istoriko-jetimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka: v 2 t. M., 1993.

Language implementation of the symbol "home" in dialectal names of human body parts and details of the Russian hut

The article presents the analysis of the linguistic implementation of the symbol "home" in the meaning "home as a human body" – dialecticisms combining the meanings "the detail of the hut" and "the part of the human body". The symbol is presented as 1) a semantic-semiotic productive model that generates language variants, 2) a secondary reflex that arose from the experience left by the primary, unconditional human reflexes (V.M. Bekhterev) that determine the semantics of words and their choice.

Key words: *home, symbol, meaning, defined, reflex, semantic coherence.*

(Статья поступила в редакцию 18.05.2018)

Н.А. ФАТЕЕВА
(Тюмень)

МИЛИТАРИОНИМНОЕ ПОЛЕ СТАЛИНГРАДА

Методом полевого структурирования проанализированы ономастические единицы, связанные с военными событиями под Сталинградом 1942–1943 гг. Описаны характеристики данной полевой структуры, выявлены системные отношения между конституентами, рассмотрены особенности семантики центральных конституентов. Для именования рассматриваемых единиц предлагается термин «милитарионим», обосновывается целесообразность включения его в научный оборот.

Ключевые слова: *милитарионим, фразоним, ономастическое пространство, ономастическое поле, милитарионимное поле, семантика имени собственного, межразрядная ономастическая общность.*

2 февраля 2018 г. наша страна отметила величайшую дату – 75-летие победы советских войск над немецко-фашистскими захватчиками под Сталинградом 1943 г. С тех пор «слово "Сталинград" вошло в словарный фонд всех языков мира и <...> напоминает о битве, которая по размаху, напряжению и последствиям превзошла все вооруженные столкновения прошлых времен» [2, с. 207].

События под Сталинградом 1942–1943 гг. породили огромное количество собственных имен, являющихся в языкознании объектом изучения ономастической науки. А.К. Матвеев отмечал «удивительное свойство ономастических систем – хранить историческую память, содержать языковую информацию о прошлом, которая может быть интерпретирована с точки зрения лингвистики, истории и географии» [7, с. 12]. Следовательно, «сталинградские онимы» времен великой битвы могут дать ономастической науке бесценную лингвистическую информацию.

В первую очередь обращают на себя внимание названия военных событий: *Сталинградская битва 1942–43, операция «Кольцо», Среднедонская операция 1942* (*«Малый Сатурн»), операция «Уран»* и проч. Ономастические единицы, называющие военные события (войны, сражения, битвы и т. п.), в русской ономастике принято относить к хрононимам, именам собственным «определенного

© Фатеева Н.А., 2018